

БОХАН П.А.

«А это гражданка лошадка...»

(Из опыта работы с ребенком с синдромом Аспергера)

Я хорошо помню тот момент, когда я впервые увидел Сашу. Он сидел за столом и называл цифры, которые ему показывал педагог. Называя цифру, он проводил рукой в воздухе, показывая взрослым, как пишется эта цифра. Тогда, кажется, он совсем не улыбался. Он и сейчас редко улыбается или смеется. Его лицо словно маска, на нем практически нет никаких эмоций: ни радости, ни удивления, ни волнения. У него большие сероголубые глаза, светлые всегда взъерошенные волосы и совершенно растерянный вид. Он смотрит куда-то вдаль, однако невозможно понять, что он рассматривает. Кажется, он смотрит сразу на все. Он очень много говорит, точнее, он говорит постоянно.

Он абсолютно неловок и может упасть на ровном месте. Он плохо ориентируется в незнакомой обстановке. Помню, он так и не смог найти свою куртку, которая висела на спинке стула. За курткой он

направился к моему шкафу. Ему очень сложно ответить на простой вопрос «Как дела». Кажется, он просто не знает, что сказать.

– Саша, подойди поздоровайся, – говорит папа Саши.

Саша бежит ко мне, я приседаю и протягиваю ему руку.

– Здравствуйте, – Саша тщательно выговаривает это слово. При этом он как всегда смотрит куда-то в сторону. Очевидно, снова изучает надпись на двери кабинета.

– Саша, куда ты смотришь? – возмущается папа. – Когда здороваешься, нужно смотреть в лицо.

Он злится, топает ногой и еще раз, глядя мне в глаза, выговаривает:

– Здрав-ствуй-те!

– Ну, здравствуй, Саша, – отвечаю я, пожимая его маленькую ручку.

Так Саша стал приходить ко мне на занятия. У Саши синдром Аспергера –

Рис. 1. Город-башня в исполнении Саши.

расстройство аутистического спектра. До знакомства с Сашей я имел весьма посредственные представления о данном синдроме. В любом случае, теоретические представления – это одно, однако общение или любое другое взаимодействие с ребенком, – это уже совсем другое.

Я плохо представлял, чему я буду учить Сашу. Когда мы только начинали заниматься, мне было с ним проще, так как его поведением еще можно было управлять. Периодически Саша становился неуправляемым. Его нередкие аффективные вспышки, сопровождаемые громким криком, слезами, приводили меня в отчаяние и заставляли сомневаться в собственной компетентности. Я постоянно задавал себе вопросы: правильно ли я действую, правильную ли я выбрал тактику, не причиняю ли я ребенку вред. Вопросы оставались без ответов. Саша приходил на занятия, и я учился слышать, видеть, чувствовать мир таким, каким его видел Саша. Порой трудно представить, как маленький ребенок может воспринимать мир, но, пожалуй, еще труднее представить, как его воспринимает ребенок с синдромом Аспергера. Однако я учился у Саши.

Не могу сказать, что я был терпеливым и внимательным учеником.

Саше было четыре с половиной года, когда мы с ним познакомились. Он уже читал, знал русский и английский алфавит, писал на русском, белорусском и английском языках. Его внимание привлекала разнообразная символическая информация: номера домов, номера автомобилей, флаги стран мира. Он хорошо считал, решал элементарные задачи на сложение и вычитание. При этом он практически не играл с игрушками и, конечно же, он не играл с другими детьми. Тем не менее, у Саши были занятия, которым он отдавал предпочтение. Ему нравилось играть с конструктором. Он строил башни, строил город из кубиков.

Однако город каждый раз был одним и тем же, машины каждый раз двигались по неизменному маршруту, а игрушечный поезд приходил на одну и ту же станцию. Любые изменения он отвергал. Стоило мне предложить другое название станции, как Саша начинал протестовать. Свое недовольство он выражал громким «Нет!»

Еще он любит рисовать. Он рисует очень много и ужасно сердится, когда его прерывают и заставляют заниматься чем-нибудь другим. Он рисует в детском саду, дома, рисует у меня на занятиях. Его рисунки необычны. Саша «рисует» цифры, пишет слова, ему нравится рисовать машины и поезда. Машины Саша рисует одним и тем же способом, все его автомобили одинаковы, на каждой машине он обязательно пишет марку и номер. Пожалуй, номера машин – это единственное, что меняется в его рисунках.

Несмотря на однообразие и предсказуемость, рисунки Саши не лишены смысла. Пусть в его рисунках нет сказочных персонажей или героев мультфильмов, тем не менее, в них отражено, каким Саша видит окружающий его мир, и он спосо-

бен изобразить в рисунках то, что подчас ускользает от нашего внимания.

Это было, кажется, в октябре, когда Саша только начал посещать занятия. Как обычно он забежал ко мне в кабинет и, заметив лист бумаги, лежавший на моем столе, тут же ухватил его, потом взял фломастеры и расположился за нашим столом для занятий. Саша принялся рисовать сюжет, который он рисовал уже несколько занятий подряд. Сюжет этот все время повторялся. Он рисовал его, соблюдая неизменную последовательность действий. Сначала он брал красный фломастер, рисовал маленького красного человечка, а затем рисовал цифры. Начинал он с 64, потом рисовал 63, 62, 61, и дальше красные цифры доходили приблизительно до тридцати, иногда он мог дописать цифры и до 1. Цифры он разбрасывал по всему листу, т. е. какого-то особого порядка он не придерживался. Затем он брал желтый фломастер, рисовал сначала желтого человечка, потом цифры, начиная с 32. Последним Саша брал зеленый фломастер, снова рисовал зеленого человечка и продолжал заполнять лист цифрами, начиная с 28 или 24. Он доходил до 1, и на этом сюжет заканчивался. Все это время я терпеливо наблюдал за Сашей, иногда вмешиваясь, чтобы уговорить его остановиться на какой-нибудь цифре. Однако мои усилия были напрасными. Саша всегда доводил начатое до конца. Иногда мне все же удавалось привлечь его к какому-нибудь другому занятию, но это было возможно только в том случае, если Саша действительно был заинтересован другой игрой. Я пытался понять, что бы могли означать все эти цифры в рисунках Саши. Однако долго гадать мне не пришлось: я понял, что Саша таким рисует светофор. В тот же день, когда я это понял, по дороге домой я наблюдал — не без интереса — за светофором. Загорелся красный свет — красный

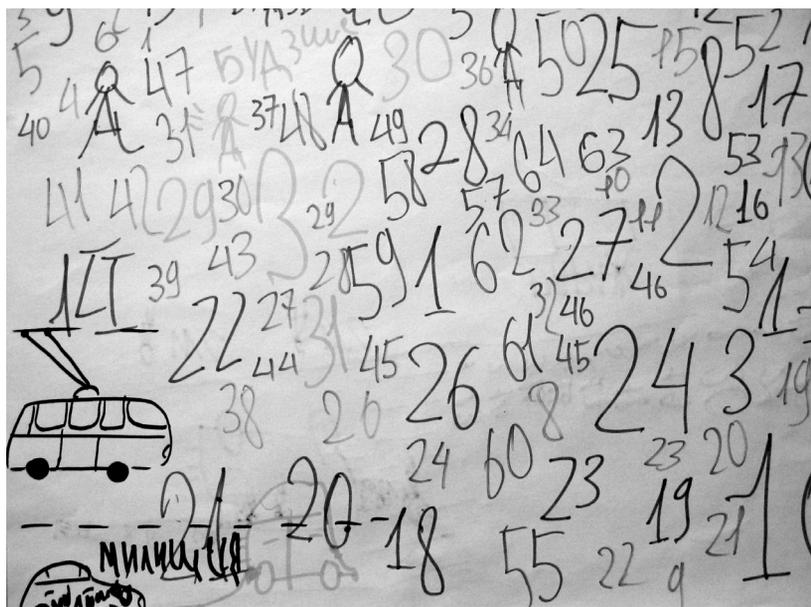

Рис. 2. Таким Саша увидел светофор.

человечек, под которым побежали цифры: 57, 56, 55, 54, 53... Для маленького ребенка, внимание которого привлекают цифры, светофор — это просто находка.

Как-то Саша увидел за окном экскаватор и — так как был занят в тот момент рисованием — захотел его нарисовать.

— Нарисуй экскаватор, — сказал Саша. Я задумался: интересно, это просьба, адресованная мне, или Саша в очередной раз проговаривает то, что собирается сделать?

Саша застыл в нерешительности над листом бумаги, потом, сделав несколько неуверенных штрихов фломастером, снова повторил:

— Нарисуй экскаватор.

Мне все стало понятно. Саша не знал, как нарисовать экскаватор, и просил об этом меня. Я был несколько озадачен: «Неужели он не сможет придумать, как нарисовать экскаватор?» Казалось, что может быть проще. Но для Саши это означало отказаться от привычной схемы рисования. Нужно было рисовать что-то новое, причем рисовать самостоятельно. Для этого необходимо придумать, как рисовать, создать замысел. Я, конечно же,

ДЕТИ – ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

нарисовал ему экскаватор, Саша затем присвоил экскаватору номер, написал рядом слово «эквадор» и продолжил рисовать свои автомобили.

К сожалению, Саша не способен рассказать или объяснить, что он нарисовал. Ему вообще трудно что-нибудь рассказать. Даже составление рассказа по картинке представляет большие сложности для Саши. Один из своих рисунков он начал с того, что написал несколько слов: «ечай» (Саша произносил «эчай»), «еммиааро» («эммиааро»), «маавлиевчиек».

– Саша, что такое «ечай»? – поинтересовался я.

– Ечай, – повторил Саша вслед за мной.
– Это грецкий орех.

– Понятно. А что такое «маавлиевчиек»? – Саша посмотрел на меня и улыбнулся. Я спросил его еще раз. Он засмеялся и повторил это слово, ничего не объяснив. Видно было, что слово ему нравилось, он еще несколько раз с удовольствием повторил его.

– Саша, так что же такое «мавличиек»? – я произнес это слово неправильно и, очевидно, сам не сразу это заметил.

– Ма-ав-лиев-чиек, – поправил меня Саша.

Потом, всякий раз, когда я произносил это слово, Саша смеялся. Мне тоже было смешно, тем не менее, я так и не выяснил значение этого загадочного слова. Саша его не придумал, скорее всего, он что-то неправильно прочитал. Не исключено, что прочитал что-нибудь на английском языке. Ему нравилось играть словами. Так, папирус у Саши превращается в непонятный «пирус», арбуз в «арбуцше», карман в «карманд», фиолетовый в «виолетовый», самолет в «забилет». Впрочем, я не уверен, что эти слова придуманы им самим. Саша легко усваивает «неправильные» формы поведения, поэтому манеру искажения слов он, вероятно, перенял в детском саду. То, как играет словами Саша, вряд ли

можно назвать обыкновенным словотворчеством. У любого другого ребенка есть чувство языковой реальности, которое позволяет ему адекватно совмещать различные смыслы в одном слове. Саше нравится скорее внешняя, звуковая составляющая слова – звукоформа, лишенная подчас какого-либо смысла. Саша изменяет слова, не чувствуя смысла, не передавая его в словах. Как-то увидев меня в коридоре, он подбежал ко мне, чтобы поздороваться, и громко произнес:

– Здравствуйте, Павлы Александровичи!
– Нет, он просто играет словами. Как-то не верилось, что он воспринимает не одного меня, а сразу двоих.

Мне вспоминается одна девочка с аутистическими проявлениями, которая здоровалась со мной весьма своеобразно. Сначала она со мной долго не разговаривала, вернее, она вообще отказывалась от какого-либо способа коммуникации, и тогда я думал, что с этим ребенком, наверное, никогда не получится установить контакт. Но я ошибался, прошло время, и она стала отвечать на приветствия. Когда я говорил ей «привет», она всегда отвечала какой-нибудь услышанной ранее фразой. Это могла быть, например, строчка из песни.

– Привет, Яна, – здоровался я.

– В высоту... – таков был ответ. Я не знал, откуда Яна взяла эти слова, кстати, не знали этого и родители. Но я был рад и такому ответу. Яна улыбалась и повторяла эту фразу несколько раз.

Спустя некоторое время она, только я появлялся в классе, радостно приветствовала меня: «От улыбки...» Это строчка из песни одного известного мультфильма. Я в свою очередь продолжал: «Станет день светлей». После такого моего ответа Яна становилась оживленной, она смеялась, но, к сожалению, на этом наш диалог заканчивался. Иногда она могла пропеть тихим голосом: «А вода...» Это тоже слова из песни. Конечно же, я продолжал вслед

за Яной: «По асфальту рекой, и не ясно проходим...» Яна подпевала мне, если у нее было настроение.

Очевидно, у Яны тоже были свои речевые предпочтения. Я заметил, что одни слова, фразы ей нравились, другие, наоборот, переставали интересовать. Менялись и способы приветствия:

– Привет, Яна, – в очередной раз здоровался я.

– Это пес-барбос, – ответила Яна. – Пес-барбос, пес-барбос... – завершала Яна. Я рассмеялся: ответ был весьма неожиданный. Впрочем, я знал, откуда эта фраза. Дело в том, что Яне нравилась детская книжка о животных, в которой животные были подписаны следующим образом: «это волчок – серый бочок», «это сорока – белобока», «это пес-барбос» и т.п. Мне стало интересно, почему Яна выбирала именно эти фразы, а не какие-нибудь другие. Ведь она могла здороваться и по-другому, в конце концов, она могла бы просто эхоталично повторить слово «привет». Кажется, она просто выражала таким образом свою радость, ведь это были ее любимые фразы. Для нее эти слова что-то обозначали и были, наверняка, связаны с радостными впечатлениями. А что может означать слово «привет»? Его нет в любимой песне, нет в любимой книжке, оно не связано в личном опыте Яны с чем-то действительно эмоционально ярким, с тем, что запоминается само собой.

Только в конце учебного года Яна впервые, причем совершенно неожиданно, назвала меня по имени-отчеству. Но в этом не было моей заслуги: воспитатели постоянно учили Яну, как следует называть взрослых. Очевидно, обучение принесло свои плоды. Потом Яна называла меня или по имени или только по отчеству.

* * *

Речевые способности Саши, так же как и интеллектуальные, развиты неравно-

мерно, т. е. какая-то часть этих способностей развивается стремительно, другая, наоборот, запаздывает, в результате чего нарушается работа всей речемыслительной деятельности. Внешне это проявляется, например, в том, что Саша может говорить что угодно бесконечно долго и одновременно заниматься тем, что не имеет никакого отношения к его повествованию. Чаще он рассказывает то, что его интересует. Однако все дело в том, что рассказа у него не получается. Его речь — это набор несвязанных слов, набор ассоциаций. Хотя все же внутренняя смысловая связь между разрозненными словами есть, но в высказывании эта связь напрочь отсутствует, грамматически она никак не оформлена. Выглядит все так, будто мыслей у Саши больше, чем слов, и он просто не успевает всех их высказывать. Иногда понять его ассоциации просто невозможно. Иногда, когда Саша начинает что-нибудь рассказывать, мне кажется, что он в этот момент не видит меня, а в буквальном смысле видит то, о чем говорит.

У нас в коридоре стояла украшенная гирляндами новогодняя елка. Саша интереса к ней не проявил. Тогда я решил обратить его внимание на елку.

— Саша, что это? — спросил я, показывая на ель. Я стоял рядом с Сашей, повернув его в сторону елки, и заодно придерживал его за руку, чтобы он не убежал. Саша молчал, он не знал, что сказать. Я подумал, что, может быть, он не понимает, о чем я спрашиваю. Тогда я присел рядом с ним и, показывая в сторону новогодней елки, снова спросил:

— Посмотри, что это стоит, такое большое, зеленое, пушистое? Как называется это дерево?

Вновь пауза. Саша молчал.

— Новый год, — пропищал Саша.

— Хорошо, а что же *это* такое? — по-прежнему я указывал на ель.

— Подарки...

— Да, но посмотри, — я подвел Сашу уже прямо к елке, — что это такое за дерево?

— Расскажи снегурочка, как дела... — это слова из песни. Ответ меня немного удивил и заставил улыбнуться. Однако я уже начал терять надежду и терпение, так как не представлял, как ему объяснить, что я хочу услышать. К нашему разговору подключилась мама Саши. Она тоже, показывая на елку, спрашивала Сашу, что это такое.

— Елка! — прокричал, наконец, уставший от вопросов Саша.

Нетрудно заметить, что все ответы Саши, так или иначе, имеют отношение к новомуднему празднику. Проблема была в том, что Саша долго не мог найти нужного слова и ответить на мой вопрос. Иногда, когда я вижу растерянный вид Саши, мне становится его жалко: кажется, он абсолютно не может контролировать свою речь.

В коридоре на стене, у входа в спортивный зал, был нарисован Винни-Пух, я не упустил возможности поинтересоваться у Саши, кто же это нарисован.

— Это мишка, он делает мед.

— Нет, Саша, это Винни-Пух, и он мед не делает, он его собирает и ест.

— Это Винни-Пух, он собирает мед в горшочек, — повторяет Саша.

Саша редко употреблял местоимение «я», обычно он говорил о себе во втором лице, что является достаточно типичным для речи аутичных детей. Однако к концу учебного года Саша все чаще стал говорить «я». Для меня это было очень важно, так как я много внимания уделял в процессе наших занятий тому, как нужно правильно говорить. Все же на последнем занятии Саша приготовил мне сюрприз:

— Я сделала, — сказал Саша.

— Как это — «сделала»? Саша, ты должен говорить: «я сделал»!

— Я сделала, — словно в насмешку повторил Саша.

* * *

– Город... Ленинский район... Наровля... Кедровый карандашик... – так Саша обычно разговаривает.

Кстати, я долго не мог понять, откуда он взял этот «кедровый карандашик». Дело в том, что Саша несколько занятий подряд рассматривал коробку с карандашами, но я не придавал этому особого значения. В конце концов я взял эту коробку, пока Саша возился с машинами, и стал ее внимательно изучать. На обратной стороне действительно было написано, что карандаши изготовлены из древесины кедра. Я не мог представить, что он это прочитал. Ведь Саша обычно читает вслух. Он читает слова целиком, прямо как взрослый. Ему достаточно просто скользнуть взглядом по надписи, чтобы тут же озвучить прочитанное.

– Саша, кто это дорогу переходит?

– Жертва!

Я показывал Саше картинку, на которой была изображена девочка, стоящая на тротуаре. Перед девочкой проезжали автомобили. Трудно сказать, что вызвало у Саши подобные ассоциации.

– Это мальчик или девочка?

Немного поколебавшись, Саша отвечает:

– Де... Мальчик.

– Саша, посмотри... Видишь, бантик на голове. Разве это мальчик?

– Это мальчик! – настаивает на своем Саша. Он ответил так, чтобы я поскорее отстал и не занимал его больше вопросами. Эту картинку Саша видит не в первый раз, и свой вопрос я тоже задаю не впервые, но каждый раз ему трудно определить, кто же переходит дорогу – мальчик или девочка. Иногда Саша отвечает правильно, иногда нет. Еще труднее Саше правильно определить эмоциональные состояния. Когда мы только начинали играть с игрушками-моделями, изображавшими различные эмоциональные

состояния, Саша, казалось, ничего не понимал в эмоциях. Даже такие выразительные эмоции как злость, горе он определял с большим трудом. Несколько занятий мы учились определять основные эмоции, к счастью, Саша быстро запоминает, поэтому спустя некоторое время он уже мог правильно назвать практически все эмоции. Саша правильно определяет злость, горе, радость, но, правда, иногда может ошибаться. Злость и радость, например, он перепутывал часто. Саша запомнил, как называются основные эмоции, но все дело в том, что он их не понимает. Он не понимает, и в дальнейшем ему будет трудно понять, что чувствует, что может чувствовать человек, испытывающий горе, радость или удивление. Он будет знать, что человека, который плачет, нужно пожалеть, но ему будет трудно понять, почему другой человек плачет. Чтобы понять чувство, нужно его пережить самому или представить, что может чувствовать другой. Представить Саше будет сложнее всего.

– Грустно, – Саша показывал на грустного медвежонка. – А этот испугался, – Саша выбрал удивленного мишку. На самом деле испуг и удивление по своей экспрессии весьма похожи, по крайней мере, так они были изображены. Если не учитывать контекст, то в реальной ситуации Саша вряд ли различит: удивлен человек или испуган. На картинке нужно обязательно обращать внимание на детали, но Саша не понимает, что могут обозначать эти детали (например, нахмуренные брови, слегка приподнятые брови в случае удивления или высоко поднятые брови при испуге). Когда он смотрит на плачущего медвежонка, то говорит следующее: «А этот плохо себя ведет».

Как-то в конце занятия мы запускали бумажные самолеты. Сначала Саша не проявил особого интереса к самолетам. Я показал ему, как держать самолет, как

нужно запускать. Саша несколько раз попробовал запустить самолет, но быстро прекратил это занятие. В следующий раз он бегал за самолетами по всему кабинету. Сам запускал и сам ловил. Он хохотал и гудел как самолет: «У-у-у-у»... Я совсем не ожидал, что эта игра с самолетами вызовет радостные эмоции у Саши. Потом, когда игра закончилась, его лицо снова превратилось в маску, словно и не было тех радостных мгновений.

* * *

Мы стали составлять расписание занятий. Составление расписаний – один из способов организации поведения аутичного ребенка. Я надеялся, что это хоть как-то поможет Саше не отвлекаться, а выполнять то, что запланировано. Тем более, работа по расписанию – это хорошая практика перед школой. Саша сидел рядом со мной и рассказывал, что он собирается делать, а я это записывал. Он смотрел очень внимательно, как я выводил цифры. Обычно мы записывали десять или двенадцать пунктов. Саша с удовольствием включался в составление расписания.

– Так, двенадцатое будет «я прощаюсь».

– Нет, нет! Не прощаюсь! – кричал Саша.

– Хорошо, – уступал я, – что будет двенадцатое?

Саша всегда что-нибудь придумывал. Он записывал еще несколько игр, а потом он начинал заполнять свободное пространство, обычно между строк, адресами и цифрами.

– Когда же мы будем прощаться? – спрашивал я. Саша задумывался, записывал еще какую-нибудь игру, а потом все же писал «я прощаюсь».

Саша быстро научился заниматься по расписанию. Когда он отвлекался на что-нибудь постороннее, я показывал ему, что

у нас было по расписанию, и Саша брал ту игру, которая была в списке.

Саша легко запоминает составленный список игр. Как-то в коридоре, когда он уже собирался домой, я спросил у него, что было первым в списке, что вторым. К моему удивлению, Саша все называл правильно. Семь или восемь пунктов он назвал совершенно точно в той последовательности, в которой они были записаны. Дальше он начинал путаться. Как ему это удавалось, трудно сказать. Ведь он ничего не заучивал, и я не просил его запомнить список. Однако Саша воспроизводил список так, как будто он был у него перед глазами. Удивительная способность!

На одном из занятий Саша в очередной раз принялся за рисование. Как всегда он рисовал машины. Я сказал ему, что мы будем рисовать башню. Я взял несколько разноцветных кубиков, построил из них небольшую башенку, которую затем поставил прямо перед Сашей. Задание заключалось в следующем: необходимо было нарисовать точно такую же башню, обязательно соблюдая последовательность цветов. Саша такого задания раньше не выполнял, но я был уверен, что с этим заданием он справится. Саша легко подражает действиям взрослых, поэтому, чтобы он эффективнее выполнил задание, я стал рисовать вместе с ним. Я взял себе лист бумаги и нарисовал первый желтый этаж башни, затем я нарисовал второй – зеленый этаж. Саша посмотрел, что делаю я, и повторил все мои действия. Конечно, мне хотелось, чтобы Саша смотрел на наглядный образец – стоящую перед ним башню. Саша, нарисовав два прямоугольника, на этом остановился. Теперь он рисовал компьютерную игру. Я пытался уговорить Сашу вернуться к башне, дорисовать ее. Он меня не слышал. Время занятия подходило к концу. Я убрал башню со стола, сложил в лоток лишние фломастеры.

– Все, Саша, занятие уже закончилось. Давай прощаться.

– Нет, не закончилось! – закричал Саша. Сколько раз я уже слышал эту фразу и, тем не менее, мне приходилось считаться с мнением Саши. Все просто: он хочет остаться и завершить рисунок. Я жду некоторое время, потом беру его за руку.

– Будем прощаться?

– Нет! Не прощаться!

– Давай ты дорисуешь еще один «пирус», а потом будем прощаться, – уговариваю я Сашу («пирус» – искаженное «папирус», очевидно, из компьютерной игры). Саша соглашается, он дорисовывает свой «пирус» и, забыв о своем обещании, начинает рисовать еще один. К слову, «пирус» представляет собой по форме чернильную кляксу, внутри которой Саша рисует множество небольших кружочков. Такими «пирусами» он методично заполняет пространство листа, добавляя кое-где всевозможные надписи.

Я понимаю, что этот процесс может длиться бесконечно. Все же я еще раз уговариваю Сашу. Он обиженно на меня смотрит, но обещает рисовать самый последний «пирус». В конце концов, я осторожно забрал у него лист и фломастеры – тут же Саша закричал громким пронзительным криком, слезы потекли градом по его бледным щекам:

– Я хочу дорисовать!!!

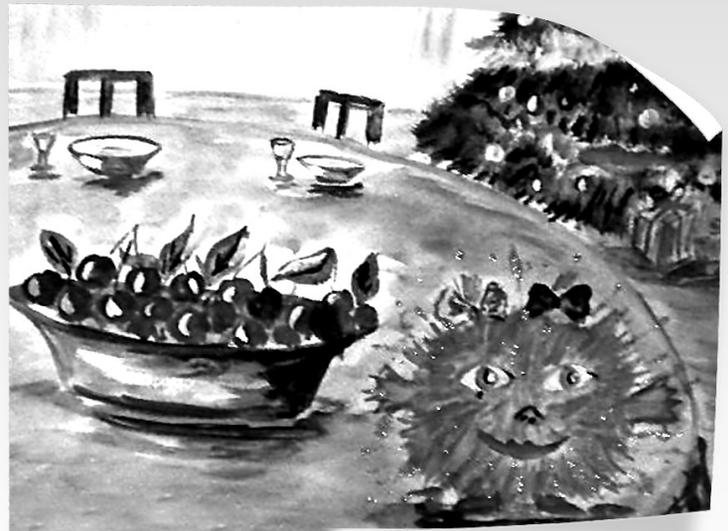
– Саша, что ты хочешь дорисовать? – я пытаюсь сохранять спокойствие. – Ведь ты говорил, что больше не будешь рисовать.

– Я хочу синий дорисовать! – кричит сквозь слезы Саша, он топает ногой и растерянно машет в воздухе руками.

Я уступаю. Возвращаю Саше лист. Он берет фломастеры и садится за стол.

Внизу листа Саша находит место для синего прямоугольника. Я начинаю понимать, что он дорисовывает башню.

ДЕТИ – ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

– Саша, рисуешь синий, и мы прощаемся.

Я вновь пытаюсь осторожно забрать лист и фломастеры: наше занятие уже затянулось, а в коридоре ждет своей очереди другой ребенок. Громкий крик Саши не заставил себя долго ждать.

– Саша, ты мне обещал, что это последний, и мы будем прощаться.

Саша всхлипывает, от слез у него покраснели щеки, он не может сказать ни слова. Саша кричит.

В этот момент в кабинет вошла мама Саши.

– Саша, почему ты кричишь? – достаточно спокойным тоном спрашивает она. – Пойдем, нам пора, там, в коридоре, другой мальчик ждет.

Слова мамы нисколько не успокоили Сашу, он продолжал кричать. Мне ничего не оставалось сделать, как отдать ему лист и позволить ему завершить то, что он хотел.

– Саша, кто будет зарабатывать шоколадку? Будешь хорошо себя вести, получишь что-нибудь вкусное, – уговаривает мама. Он немного успокаивается, вытирает рукавом глаза, в очередной раз берет фломастеры и располагается за столом.

Пока Саша рисовал, я беседовал с его мамой. Прерывать Сашу было бесполезно. Ему нужно обязательно закончить рисовать башню, которой уже нет на столе, но образ которой остался у него в памяти. Он рисует башню, соблюдая последовательность цветов. Правда, в его рисунке есть одна особенность: прямоугольники, изображающие этажи башни, он не соединяет, а рисует отдельно, размещая их в разных частях листа. Я не запомнил последовательность цветов своей башни, а Саша, как мне показалось, запомнил и воспроизводил последовательность правильно. Первые пять этажей он нарисовал точно такого же цвета, какого были кубики башни. Дальше, хотя я в этом и не уве-

рен, он все же перепутал цвета. Саша завершил свой рисунок и молча вышел из кабинета, потом, одевшись, он подал мне руку и тихо сказал: «До свидания».

После этого занятия я весь оставшийся день находился в подавленном настроении. Я переживал из-за того, что Саша ушел весь в слезах. Я долго думал о том, что происходило на занятии. Дело в том, что Саша в последнее время приходил ко мне очень раздражительным, он отказывался играть в любимые игры, протестовал, если я предлагал ему какое-либо занятие. Он предпочитал рисовать. При этом любое мое даже самое незначительное вмешательство он отвергал. Саша не хотел следовать правилам; он злился и громко кричал. Поводом для очередной аффективной вспышки могло быть что угодно, естественно я старался этого не допускать. В то время его эмоции менялись очень быстро. В случае с башней я не мог предположить, что Саше так важно ее дорисовать, и, тем более, я и не думал, что он запомнил последовательность кубиков. Образ незавершенного действия обладает для Саши мощной побудительной силой, определяющей во многом его поведение. По известному психологическому закону мы запоминаем незаконченное действие в два раза лучше и стремимся его завершить. Саша просто не может забыть. Впервые я обратил внимание на то, какая у Саши хорошая память, за несколько занятий до описанных выше событий.

Мы сидели с Сашей за столом. Он, как обычно, рисовал фломастерами.

– Саша, хочешь порисуем красками?

– Да, – тихим голосом ответил Саша, тут же он поднялся и вышел из-за стола. В тот момент я даже не догадывался о его намерениях. Между тем Саша резво пробежал к моему шкафу, где на полке лежала небольшая коробочка с гуашью. Я пошел за ним, и когда его руки потянулись к

коробке с красками, успел первым перехватить коробку.

– Послушай, Саша, давай-ка мы порисуем красками в следующий раз. Договорились?

К моему удивлению Саша согласился. Однако еще больше я был удивлен тем, как быстро он нашел краски. Все выглядело так, как будто Саша знал, где они лежат. Ведь он не остановился перед шкафом, не стал рассматривать полки в поисках нужной ему вещи. Но как!?! Он никогда не подходил к шкафу: мы занимаемся за столом в другой части кабинета. Саша постоянно отвлекается на что-нибудь постороннее, говорит что-то невпопад, постоянно вертит головой. Очевидно, пока он крутится как юла, он еще и запоминает. Иногда он застывает и молчаливо рассматривает что-то, а потом опять возвращается к прежнему занятию. У Саши фотографическая память, он запоминает механически, кажется, образы реальности просто отпечатываются где-то у него в голове, словно готовые фотоснимки. Но запомнить – это одно, нужно еще правильно вспомнить то, что запоминалось. У Саши эта способность развита не меньше, чем способность запоминать. Складывается впечатление, что Саша нашел коробку с красками в своем мысленном образе, поэтому ему не пришлось стоять перед шкафом, рассматривать полки в поисках красок так, как это делал бы любой другой ребенок. Поразительно то, что все эти мнестические процессы происходят автономно, т.е. Саше не требуется прилагать никаких усилий, чтобы запоминать. Но я обратил внимание не только на память Саши, я задумался над тем, что Саша не понял, что я имел в виду, когда спрашивал: хочет ли он порисовать красками. На самом деле я задал вопрос неправильно, и мне следовало учитывать особенности Саши. Я подразумевал: хочет ли Саша вообще рисовать красками, т. е.

порисовать потом, может быть, на следующем занятии. Увы, этот смысл я не передал. Саша понял меня буквально. Если я сейчас спрашиваю, значит и рисовать можно сейчас. Если рисовать мы будем позже, тогда зачем я спрашиваю сейчас. Логика Саши вполне проста и понятна.

Я вспоминаю еще один интересный эпизод.

В коридоре Саша застыл на мгновение перед дверью кабинета, глянул на нее, а потом произнес:

– Выставка детского творчества...

– Какого еще творчества? – отозвался Сашин папа.

Все дело в том, что в этом кабинете действительно год назад проходила выставка детского творчества, а на двери кабинета висело соответствующее объявление. Саша запомнил это объявление. Неужели Саша на самом деле видит этот образ, это объявление? Впрочем, я уже ничему не удивлялся.

Как-то после завершения занятия, я вышел проводить Сашу домой. Он одевался, как всегда, медленно и неуклюже. Чтобы ускорить процесс одевания, папа пообещал Саше жевательную резинку, если тот быстро оденется. Саше, несмотря на старания, быстро собраться не удалось. Тем не менее, он подошел к папе за вознаграждением.

– Дай мне жвачку! – потребовал Саша. Папа присел рядом с ним.

– Саша, а тебе никогда не приходило в голову, – шутливым тоном сказал он, – что я могу тебя обмануть? И могу не дать тебе жвачки?

– Дай мне жвачку! – закричал Саша. Сколько же в его голосе было обиды и отчаяния! Ну разве может прийти Саше в голову мысль, что его обманут? Разве может понять Саша, что слова имеют индивидуальный смысл, а фраза – ситуативный контекст? Разве может он догадаться, ничего не понимая в эмоциональ-

ных проявлениях, по сути, не умея «читать» эмоции, что многое может говориться не всерьез, что в отношениях между людьми так много игры, а слова настолько мало подчас значат, что ими можно вовсе пренебречь? Для Саши слова прочно привязаны к ситуации, он понимает каждое слово буквально. Для того чтобы изменить смысл слова, сделав его понятным Саше, нужно изменить контекст, иными словами, ситуацию общения.

Перед началом очередного занятия, встречая Сашу в коридоре, я произнес: «Кто это ко мне пришел!» Что же ответил Саша? Вопрос мой он словно проговорил про себя, будто спрашивал сам у себя и, не задумываясь, ответил: «Павел Александрович!»

Саша наивен, он совершенно не способен на обман, однако его самого легко обмануть. Кстати, наивностью Саши пользуется его младший брат, который вину за свои проступки перекладывает на ни в чем не повинного Сашу. Помню, мама Саши жаловалась, когда я еще только начинал с ним заниматься, что он не может обманывать. Несомненно, это весьма необходимый социальный навык, которым Саша вряд ли овладеет. Даже если он попытается обмануть, то это будет выглядеть так неумело, так «непрофессионально» по сравнению с другими детьми его возраста, что Саша тут же будет уличен в обмане.

* * *

Во время занятий постоянно открываешь в ребенке что-то новое, иногда это радует и удивляет, иногда разочаровывает. Например, я не знал, что Саше нравится музыка, так же я не предполагал, что ему понравятся занятия в спортивном зале. Большое впечатление на него произвели огромные мячи, на которых можно было посидеть, раскачиваясь, и небольшой бассейн, заполненный пластмассовыми шариками, которые Саша любил разбрасы-

вать. В спортивном зале Саша меня слушался плохо, но это и не удивительно: когда вокруг столько мячей, всевозможных тренажеров, когда есть качели и гимнастические кольца, названные Сашей кольцами Сатурна, — разве можно слушаться, соблюдать непонятные правила поведения?

— Саша, кто плохо себя ведет?

— Я! — он действительно научился говорить о себе в первом лице.

— Так, Саша, будешь себя плохо вести — больше мы в зал не придем.

— Я хочу хорошо вести! — ответил он серьезно, даже с некоторой обидой в голосе. Как мне рассказали родители Саши, это были слова, которые он часто повторял. Но как же трудно было Саше следовать своему желанию!

Когда я принес на занятия магнитофон, Саша первым делом рассказал мне, как называются все кнопки. Впрочем, детские песни ему понравились. Было интересно наблюдать, как Саша их слушал. Он застыл и с серьезно-растерянным видом прислушивался к каждому слову, ловил каждый звук. Больше всего Саше понравилась песня о «собаке кусачей»: когда он слышал припев (в припеве есть такие слова: «собака бывает кусачей только от жизни собачей...»), он отрывался хоть на мгновение от своего занятия и просто слушал песню. Когда он ее слышал, лицо его преображалось: Саша улыбался, и его улыбка выглядела вполне естественной, растерянный взгляд становился оживленным. В такие минуты я жалею, что Саша не способен рассказать, что же ему так понравилось, что он переживает, что вспоминает, когда слышит эту песню.

* * *

Саша лежал на ковре и рассматривал игрушки, наше занятие проходило спокойно. К концу учебного года Саша стал более уравновешенным, он уже не раздра-

жался, как раньше, соглашался играть в новые игры. На ковре стояла коробка с игрушками, Саша копался в ней, периодически извлекая оттуда машинки и всевозможных животных. Машинки он составлял аккуратно возле себя. Среди прочих игрушек он достал пластмассовую лошадь с повозкой.

– А это гражданка лошадка! – воскликнул Саша. Он запомнил слова любимой песни: «собака кусает гражданку лошадку и гражданина кота...» Я подумал, что, если бы не песня, мне было бы трудно понять, откуда Саша взял эту фразу. Еще раз я убедился, что практически любому действию ребенка можно найти объяснение.

– А где твое колесико? – Саша уже рассматривал машинку, у которой отвалилось колесо.

После очередного занятия Саша собирался домой. Он сидел на диване и растегивал босоножки. Его ботинки стояли в противоположном углу коридора, возле вешалки. Саша долго возился с застежками своих сандалий, потом вовсе отвлекся, стал что-то рассказывать.

– Саша, иди возьми ботинки, – сказал его папа.

Саша посмотрел на него как всегда растерянно, потом поднялся и, шлепая босоножками, отправился за своей уличной обувью. Он снял босоножки, взял в руки ботинки и босиком пошел обратно к дивану. Вернувшись, он стал надевать ботинки. Папе, глядя на все то, что делал Саша, оставалось только тяжело вздохнуть. Я же улыбнулся.

* * *

Благодаря Саше я понял, что не бывает бессмысленного поведения и бессмыс-

ленных действий. Когда же мне что-то непонятно, я все равно был убежден в том, что действия Саши имеют смысл, просто я не могу его увидеть и понять. Благодаря Саше я начал обращать внимание на мелочи, которые раньше казались мне несущественными. Теперь я знаю, что любая мелочь в поведении ребенка, да и не только ребенка, может иметь решающее значение для понимания особенностей его личности, мировосприятия, и расскажет больше, чем нечто более очевидное и бросающееся в глаза. У Саши действительно иной взгляд на мир, он осмысливает и переживает его по-другому. Каждый человек по-своему видит мир, и все свободны в той ли иной мере выбирать способ видения, выбирать точку зрения. Саша этой свободы лишен: его мировоззрение определено его синдромом. Когда я задумываюсь о будущем Саши, то всегда думаю с некоторым беспокойством: ему предстоит еще научиться жить и со своими способностями, и своими «недостатками». Ведь далеко не каждый пятилетний мальчик может похвастаться тем, что умеет умножать двузначные числа в уме, или тем, что знает периодическую систему химических элементов, или столицы большинства стран мира. Саше предстоит научиться «справляться» со своей фотографической памятью, с неспособностью понимать намерения и чувства других людей, с навязчивым следованием установленным стереотипам и ритуалам, но самое главное – приспособиться к нашему непонятному, двусмысленному, постоянно меняющемуся миру, его нормам и ценностям.

Надеюсь, Саше хватит на это сил и терпения. ■